

О РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ, РЕЧИ И НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Т.Е. Владимирова

*Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35
Факультет гуманитарных и социальных наук РУДН
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10*

Аннотация. Статья посвящена раскрытию ментальных особенностей русской языковой личности. Особое внимание в работе уделяется синтетическому строю языка, нефиксированному порядку слов в предложении и категории безличности, которые в совокупности создают культурно-специфический ментальный контекст языка, речи и научного дискурса.

Ключевые слова: ментальность, русская языковая личность, картина мира, научный дискурс, категория безличности, индоевропейский.

Введение

«Своеобразие языка влияет на сущность нации», – писал Вильгельм фон Гумбольдт [1. С. 377], и сегодня особое внимание гуманитарных наук сосредоточено на языковой личности. Настоящая статья посвящена «ментальности как глубинному корню народной жизни» [2. С. 3] и ее отражению в языке, речевом поведении и научной деятельности. При этом мы будем исходить из положения, согласно которому своеобразные ментальные миры представляют собой итог целостного взаимодействия универсальных, то есть общих для всех или для большей части языков, и культурно-специфических особенностей национальных языковых личностей.

Так, например, к числу абсолютных универсалий относятся: 1) деление звуков на гласные и согласные; 2) членение слова на слоги в устной речи; 3) присутствие в языке имен собственных и местоимений; 4) противопоставление имени и глагола; 5) выделение в речи предложений; 6) наличие слов, передающих эмоции и команды и др. [3. С. 10]. В результате благодаря универсалиям обеспечивается потенциальная возможность взаимопонимания между носителями различных языков и культур.

Что касается культурно-специфических черт, то к их числу исследователи относят концепты «вера», «воля», «душа», «совесть», «судьба», «любовь», вобравшие в себя этнокультурный и религиозный опыт русской языковой личности [4]. Не имея эквивалентов в других языках, эти концепты при переводе утрачивают присущие им семантико-смысловые особенности и

коннотации и фактически превращаются в ментальные лакуны. Более того, ценность как ментальное образование может вызывать различные и даже противоречащие друг другу представления и ассоциации [5. С. 4]. К «индивидуальным свойствам русского языка» отнесем также категорию безличности, которая изначально присутствовала во всех индоевропейских языках, но затем была вытеснена субъектно-предикатной формой предложения [6. С. 807].

Таким образом, обращение к языковой и концептуальной картинам мира позволяет раскрыть сущностные черты языковой личности со свойственным ей способом бытия, а тем самым и ее ментальность.

1. Ментальность как отражение изоморфизма генетического и языкового кодов

В поисках путей, позволяющих расширить наши представления о ментальных истоках русского языка, обратим внимание на нередкое уподобление языка «интеллектуально-духовным генам, которые переходят из поколения в поколение» [7. С. 137], а генетический код – «азбуке возможных и невозможных комбинаций языковых типов как друг с другом, так и между собой» [8. С. 17]. Примечательным представляется и тот факт, что даже структуралист Л. Ельмслев не мог «удержаться от вопроса, не является ли язык не просто отражением явлений, но их воплощением, тем семенем, из которого они выросли» [9. С. 264–265].

Исследовательский интерес к данной проблематике способствовал активизации работ, проводимых на стыке семиотики и молекулярной генетики. Важной вехой в этом направлении стала концепция Р.О. Якобсона, которая раскрыла изоморфизм генетического и языкового кодов и «оформление структур языкового механизма по модели генетического кода». При этом отмечалось, что «наложение лингвистического кода непосредственно на генетический и копирование его структурных принципов» осуществлялось в условиях «бессознательного владения живым организмом знанием характера и структуры последнего» [10. С. 6].

Концепция Р.О. Якобсона возвращает нас к эпохе первобытной ментальности, перешедшей от языка жестов к речи со свойственной ей «бинарностью», в которой проявлялась «функциональная асимметрия» головного мозга. А поскольку архаичное мышление было преимущественно образным (правополушарным), то язык «позднего каменного века», по всей вероятности, располагал крайне ограниченным запасом слов и еще не имел лингвистических способов словообразования и дифференцированных грамматических структур.

Вместе с тем по мере приспособления человека к непредсказуемому миру природы начальный образ мира вбирал в себя не только образные, но и логико-вербальные (левополушарные) представления и стратегии. Более того, возникавшие при этом слова-концепты включали установку на определенный сценарий поведения. В итоге сформировавшаяся языковая картина мира представляла собой набор противопоставлений, отражавших дуальную

ментальность первобытного социума. В подтверждение сошлемся на древнеславянскую модель мира, которая включала следующие оппозиции:

свой–чужой; жизнь–смерть; доля–недоля; мужской–женский; близкий–далекий; правый–левый; главный–неглавный; старший–младший; сакральный–профанный; небо–земля; солнце–луна; день–ночь; чет–нечет; дом–лес; посвященный–непосвященный; светлый–темный; предки–потомки; человеческий–звериный; правый–левый и др. [11].

Противопоставляя сакральное и профанное, благоприятное и неблагоприятное для коллектива, первобытные общности укореняли в сознании дуальный образ мира и правила должного поведения, которые предостерегали от нарушения действовавших ограничений и запретов. Вместе с тем возникавшая картина мира отражала синкретичное мировосприятие, которое складывалось на фундаменте целостного взаимодействия рефлексивной, бытийной (экзистенциальной) и сакральной составляющих сознания [12. С. 111]. Однако в архаичном образе мира человек чувствовал себя лишь малой частицей.

При этом в течение длительного времени первобытные общности вбирали в себя генетически не запрограммированные нравственные законы, которые выполняли функцию приспособления к окружающей реальности. Согласно Н.Н. Моисееву, «еще в эпоху палеолита, шла отбраковка индивидуумов, нарушавших те или иные табу. Такой отбор постепенно менял психику людей и в какой-то степени влиял на их морфологию. Кроме того, у человека возникали устойчивые характеристики генотипа, связанные с кооперативностью поведения» [13. С. 66].

В итоге, эволюционируя согласно биологическим законам, человек всё более следовал новым – языковым – генам, которые преобразовали его ментальный мир. Что касается идеи изоморфизма лингвистического и генетического кодов, то в середине прошлого века она получила подтверждение в открытии микробиологов. В частности, было доказано, что наследственность может быть представлена в виде химического «текста», где в качестве «алфавита» выступают «триплеты» из исходных четырех нуклеотидов. А собственно генетический «словарь» включает 64 «слова», из которых 3 триплета – «знаки препинания», выделяющие в цепочке нуклеиновых кислот начала и концы «фраз», а остальные соотносятся с одной из 20 аминокислот [10. С. 6]. Таким образом, молекулярная генетика при расшифровке генетического кода изначально опиралась на лингвистические понятия (см. об этом [14. С. 256–257]).

Выявленная закономерность обнаруживает прямую тождественность с древнекитайской «Книгой перемен» (*И Цзин*), в которой Единое *Ци* раздваивается на две силы *Ян* (мужской принцип, ритм и цикл жизни) и *Инь* (женский принцип, ритм и цикл жизни), а их группировка по три образует 64 троичные последовательности, соотносимые с генетическими «триплетными». При этом «ян» ассоциируется также со светом, движением, твердым, духовным, а

«инь» – с тьмой, покоем, мягким и телесным. Возникшее на этом фундаменте этноментальное пространство сформировало иероглифическое письмо, которое оперирует образами в отличие от европейского, основанного на логике буквенных знаков.

Таким образом, на базе языковых кодов, изоморфных унаследованным генетическим кодам, возникли самобытные этнические общности с характерным для них мировосприятием, способом бытия и смысложизненными ценностными представлениями.

2. Русский язык и ментальность на фоне индоевропейских языков

Приступая к рассмотрению русской языковой личности, попытаемся ответить на вопрос: *чем объясняется ментальное своеобразие носителей русского и западноевропейских языков, восходящих к общему праиндоевропейскому корню?*

Прежде всего, обратим внимание на следующий факт. Русский, некоторые славянские, а также старославянский, древнегреческий, латынь, готский и санскрит – это синтетические языки, в которых лексико-грамматические значения выражаются в самом слове. Поэтому восприятие русского слова базируется на синтезе входящих в него компонентов.

Так, например, понимание лексемы *стол* и производных от нее предполагает синтез всех элементов (ср. *столы, столик, столовая, столовка, столовый, столешница, столоначальник, стольник, столицы, застолье, застольничал, настольное, престольный* и др.). А связь слов в предложении обеспечивается преимущественно падежными формами и в меньшей степени предлогами. В этой связи сразу же подчеркнем, что тенденция к синтезу характерна для праиндоевропейского языка и предшествовала аналитическим формам выражения грамматических значений.

В аналитических языках (английский, французский, испанский, итальянский, датский, новоперсидский и др.) грамматические значения выражаются с помощью служебных слов (предлогов, артиклей, вспомогательных глаголов и др.), фиксированного порядка слов и интонации.

Как следствие, синтетический русский язык располагает развитой системой склонения существительных, прилагательных, числительных, местоимений и причастий, которые имеют еще категорию рода и числа. Например, парадигма русского качественного прилагательного включает 101 флективную форму, поскольку эта парадигма объединяет 6 падежей трех родов ед. и мн. числа (всего 24); столько же форм сложной сравнительной степени, одну форму простой сравнительной степени; 48 форм простой и сложной превосходной степени и 4 краткие формы рода и числа [15. С. 329]. Тем самым место слова в предложении определяется самим адресантом, говорящим или пишущим.

Так, например, фраза *Олег сдал экзамен вчера* допускает 24 перестановки слов и может приобретать дополнительные «обертоны смысла» (Б.А. Ларин) благодаря ритмико-интонационным ресурсам русского языка. Например:

- 1) Олег сдал экзамен вчера; 2) Олег сдал вчера экзамен; 3) Олег вчера сдал экзамен; 4) Олег вчера экзамен сдал; 5) Сдал Олег экзамен вчера; 6) Сдал Олег вчера экзамен; 7) Сдал вчера Олег экзамен; 8) Сдал вчера экзамен Олег и т. д.

Нефиксированный порядок слов составляет одну из сущностных черт русской ментальности, которая восходит к синкретической концептуализации мира и способу бытия первобытных общностей. В этой связи заметим, что М.К. Мамардашвили предложил «оперировать понятием единого континуума бытия-сознания» [16. С. 281], а М.М. Бахтин писал о русском «выразительном и говорящем бытии» [17. С. 8], в котором человек ощущает полноту самовыражения. Более того, унаследованный общинный способ бытия ориентировал на достижение в речевом взаимодействии взаимопонимания и искомым взаимоотношений.

В аналитических индоевропейских языках порядок слов в предложении строго регламентирован. Поэтому перевод приведенных выше русских фраз ограничивается лишь двумя вариантами и их ритмико-интонационными интерпретациями. Например:

- 1) *Oleg passed the exam yesterday;*
- 2) *Yesterday Oleg passed the exam yesterday* (англ.).

Анализ различных вариантов русской фразы и их возможных переводов на романо-германские языки делает очевидной принципиально иную природу русского ментального пространства. Действительно, возникающий замысел как бы свободно «проявляется» в самом течении мысли. Но подобная свобода в реализации интенции отсутствует у носителей аналитических языков с фиксированным порядком слов.

Разумеется, изучая русскую предложно-падежную систему, носители аналитических языков сталкиваются с серьезными трудностями. Вместе с тем относительно свободный порядок слов существенно облегчает им общение в русской языковой среде. В результате русское культурное пространство воспринимается иностранцами, владеющими аналитическими языками, с одной стороны, как возможность свободного самовыражения на русском языке, а с другой – как достаточно жесткая предложно-падежная система, ограничивающая эту свободу.

Вместе с тем в русском языке всё активнее проявляется аналитическая тенденция, которой свойственны морфологическая неизменяемость слов и использование сложных форм. Рассмотрению данной проблемы посвящена статья академика В.В. Виноградова, которая так и называлась «Об усилении и росте аналитизма в грамматической системе русского языка». И сегодня, изучая «переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому» [18. С. 37], исследователи отмечают целый ряд аналитических форм в русском языке. Здесь мы имеем в виду:

- усложнение системы формообразования: *интереснее > более интересно; поживем > будем жить; пойдём > давай пойдём;*

- изменение системы грамматических границ слова и его объёма: *отношения коллег* > *отношения между коллегами*; *письмо отца* > *письмо от отца*; *изменение распорядка* > *изменение в распорядке*;
- преобразование сочетания слов в одно слово: *заместитель директора* > *замдиректор*; *Третьяковская галерея* > *Третьяковка*; *зачетная книжка* > *зачетка*;
- рост фразеологизмов: *зарыть талант в землю*; *сказка про белого бычка*; *первый блин комом*;
- увеличение числа несклоняемых заимствований и существительных общего рода: *кофе*, *шоссе*, *меню*, *эксперт*, *космонавт*, *коллега* и др.

В этой связи заметим, что древнеболгарский язык был синтетическим, а современный болгарский приобрел заметные черты аналитизма. Что касается немецкого языка, то в нем на сегодняшний день больше синтетизма, чем в английском, но больше аналитизма, чем в русском языке [19. С. 297]. Таким образом, рассмотрение грамматического строя с позиций аналитизма – синтетизма, благодаря которому была выявлена такая особенность русской ментальности, как свобода самовыражения, должно быть дополнено другими ракурсами анализа. Ведь «сфера смысла» имеет огромное число «входов» [12. С. 287].

Если же мы выйдем за границы индоевропейских языков, то черты сходства русского языка нетрудно обнаружить и в типологически далеких языках. Так, например, русское ударение является средством различения омографов: *зАмок* и *замОк*, *мУка* и *мука*, *дУхи* и *духи*, *Атлас* и *атлас*, *бЕлки* и *белки*, *Ирис* и *ирис*, *гвоздИки* и *гвоздики*, *рУки* и *руки*, *стоИт* и *стоит*, *плачУ* и *плачу* и др.

Аналогичным образом смыслоразличительную функцию выполняют тоны в аналитическом китайском языке, который входит в типологически далекую группу тибетско-китайских языков. Например, китайское односложное слово (в латинской транскрипции) *та* в зависимости от тона приобретает такие значения, как ‘мать’ (1-й тон), ‘конопля’ (2-й тон), ‘лошадь’ (3-й тон) и ‘ругать’ (4-й тон) [20. С. 119].

Тем не менее обратим внимание на любопытную аналогию Э. Сепира, которая, как представляется, непосредственно связана с размышлениями о ментальном своеобразии носителей различных языков: «Переходя от латинского языка к русскому, мы чувствуем, что приблизительно тот же горизонт ограничивает наши взоры, и это несмотря на то, что сменились ближайшие, знакомые нам придорожные вехи. Когда мы приходим к английскому языку, нам начинает казаться, что окрестные холмы стали несколько более плоскими, и всё же общий характер пейзажа мы узнаём. Но когда мы дошли до китайского языка, оказывается, что над нами сияет совершенно иное небо» [21. С. 117].

Данное наблюдение известного лингвиста, с одной стороны, возвращает нас к мысли об изоморфности языкового и генетического кодов, которая изначально предопределила разнообразие языков, языковых личностей и свойственных им ментальных миров. А с другой – к целесообразности

рассмотрения тех исторически сложившихся условий, которые способствовали становлению самобытной русской ментальности.

3. Русская ментальность в контексте эволюции индоевропейских языков

Продолжая рассмотрение предыстории европейских языков, зададимся вопросом: *какие изменения в языках, восходящих к праиндоевропейским корням, обусловили становление и устойчивое развитие собственно русской ментальности?*

В поисках ответа обратимся к эволюции праиндоевропейского языка, в ходе которой возникали сначала диалекты, а затем и самостоятельные языки с характерным для них способом концептуализации мира и бытия, а следовательно, и с ментальными особенностями их носителей. (О русском языковом сознании и ментальности см. [22. С. 89–96].)

Особый исследовательский интерес вызывает категория безличности как «органический, неизбежный, совершенно необходимый продукт первобытного мышления» [23. С. 405], который изначально присутствовал во всех индоевропейских языках. Однако в процессе их обособления безличность претерпела значительные изменения в силу этнопсихолингвистических, а также историко- и социокультурных особенностей наследников этих языков.

Так, в западноевропейском ареале, где утвердилась культура индивидуалистического типа, безличные конструкции постепенно приобрели субъектно-предикатную форму. При этом собственно безличность превратилась в угасающую грамматическую категорию со значением состояния природы, среды или человека, но и в этих предложениях появилось формальное подлежащее (*It, Il*). Например:

- *It was getting dark; It is cold; It is difficult for me to speak; It takes him ten minutes to get to school* (англ.);
- *Il faisait noir; Il m'est difficile de parler; Il lui faut dix minutes pour aller à l'école* (франц.) и др.

Что касается русских безличных конструкций, то они уходят корнями в первобытную эпоху, когда сформировавшиеся в синкретичном сознании ментальные структуры предостерегали от нарушения действовавших табу и тем самым обеспечивали выживание первобытных общностей. Особую когнитивную функцию выполняли мифы, которые объясняли мироустройство и служили своего рода моделью должного поведения. Так, одной из базовых составляющих первобытной картины мира стал унаследованный способ бытия, подчинявший себе человека, а за субъектом закрепились функция наблюдателя. Это, как представляется, и обусловило дальнейшее развитие категории безличности.

Крещение Руси постепенно преобразило личностное бытие своих исповедников, и концептуальный образ мира вообрал в себя глубинные интуиции о Боге, бытии и человеке. Так, в языковой картине мира возникла

вертикальная ось, объединившая слова, «ориентированные на духовную связь личности с абсолютным идеалом» (*совесть, соборность, судьба, образ, подвижник, супружество*). А на горизонтальной оси располагались слова, в которых отсутствовал религиозно-нравственный компонент (*честь, свобода, доля, закон, герой, брак*) [24. С. 120].

Возвращаясь к категории безличности, заметим, что стремление верующих согласовывать свои поступки с Божьей волей также способствовало ее актуализации. Как писал А.А. Потебня, это развитие происходит весьма своеобразно: «...по направлению от древности число бессубъектных увеличивается за счет субъектных» [25. С. 322]. В качестве примера сошлемся на известные пословицы с безличными глаголами в значении констатации состояния безотносительно к субъекту действия и его возможной активности:

Стерпится, слюбится; И хочется, и колется; Не спится, не ложится, всё про милого грустится; Кому вынется, тому сбудется; Как аукнется, так и откликнется; Хочется – перехочется; Жизнь – мучиться, а умирать не хочется и др.

Чтобы проиллюстрировать разнообразие и возрастающую долю безличных конструкций, приведем следующие модели предложений с одним главным членом в значении состояния или действия.

Светает; Прохладно; Пахнет яблоками; На нас пахнуло сеном; Здесь дует; Затопило огород; В голове зашумело; Начало тошнить; До утра не спалось; Под сердцем давит; Занесло снегом; Слышно поезд; Пора обедать; Можно ехать; Придется подождать; Руками не трогать!; Опять не пишется; Тебе обязательно повезет; Ей нездоровится; С мужем не ладится; Хочется пить; Лучшие бы пойти в кино; Оставалось несколько минут; Как много вспомнилось тогда; Не хватило сил; Ничего не видно; В доме прибрано; О встрече было забыто; С работой проблема; Оказалось, что... и др.

Особое место в русском языке занимают безличные конструкции, в которых бездействие субъекта объясняется некими внешними обстоятельствами. В результате субъектность как бы растворяется в самом бытии, которое берет на себя функции деятеля.

Не было времени поговорить с братом; Его опять тянет в горы; Им не повезло; Придется попрощаться с мечтой; Так уж суждено; Очень хотелось, но не получилось; У них опять не сложилось; Ему не хватило смелости; Теперь не до праздника; Опыта не было и др.

Обращают на себя внимание и высокочастотные в устной речи фразеологизированные предложения, за которыми стоит субъект, признающий власть обстоятельств и / или выражающий свое отношение к ним:

Когда же мне читать!; До учебы ли ей!; Что ему наши советы!; Ей беда не беда!; Хоть меняй работу!; Где мне всё это запомнить!;

*Нам ли огорчаться!; Как не помочь!; Саше ли не быть довольным!;
Нет бы мне одеться потеплее!; Что для него друзья!; Как с этим
не согласиться!; Не уезжать же домой! и др. [26. С. 126–127].*

Примечательна также и свойственная молодым людям тенденция использовать жаргонизмы с общим значением оценки бытийной ситуации:

*до лампочки, до фонаря; до фени; по фигу, по барабану; по хрену;
фиолетово; параллельно; клёво; классно; круто; чумаво; при-
кольно; кульно; лампово; офигенно; улётно; влом; отпад; фигово;
стрёмно; сто пудов; зашквар; ажур; гламурно; бьютифульно;
лойс; изи и др.*

Представленная совокупность разнообразных примеров подтверждает вывод З.К. Тарланова: «Богатейший синтаксис безличных предложений, которым характеризуется русский язык с конца средневековья, не может не рассматриваться как одно из ярких проявлений русской национальной ментальности с ее склонностью к абстрагированию от “проклятого быта”, приверженностью к идеализации отдельного, одухотворению, верой в будущее, культом авось и лояльностью по отношению к мистике» [27. С. 141].

В подтверждение уникальной содержательно-смысловой наполненности безличных конструкций обратимся к тем трудностям, которые встают при их переводе на романо-германские языки. С этой целью рассмотрим следующий фрагмент из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина:

*Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!*

Прежде всего, отметим, что семантико-грамматическая категория безличности позволила поэту выразить ту общность чувств, которые испытывают русские, подъезжая к Москве. При этом его личностное *Я* оказывается «растворенным» в самом пространственно-временном бытии-сознании. Но передать средствами аналитического языка, который располагает лишь субъектно-предикатной моделью предложения с активной и пассивной формами предиката, как представляется, невозможно. В качестве подтверждения сошлемся на английские переводы [28. С. 38, 42], не воссоздающие смысл пушкинских строк:

*Moscow!.. That holy word can start
A tumult in each Russian heart.*

*Moscow... how many strains are fusing
in that one sound, for Russian hearts!
What store of riches it imparts!*

Краткий экскурс в историко-культурный контекст, обусловивший концептуализацию мира и бытия, приближает к раскрытию ментальных истоков русской языковой личности. Ведь, как писал М. Хайдеггер: «Сущее глядит на человека, раскрывая себя и собирая его для пребывания в себе» [29. С. 50].

При таком понимании русская семантико-грамматическая категория безличности заложила основы холистического мировосприятия, утверждая единство человека с пространственно-временным и ментальным контекстом его бытия.

4. Русская ментальность и научный дискурс

Рождение древнерусского языка, отличного от языков западных и южных славян, исследователи относят к X–XIII вв., хотя некоторые собственно русские черты фиксировались начиная с XII в. Вместе с тем сравнительно молодой русский язык сохраняет синтетический строй и категорию безличности, унаследованные от праязыка и создающие определенный ментальный контекст.

Возвращаясь к концепции «единого континуума бытия-сознания» (М.К. Мамардашвили), дополним его понятием «семиотической среды». Согласно Ю.М. Лотману, совокупность письменных и устных текстов может быть представлена как смысловое поле (семиосфера), которое не только отражает социальную действительность, но и формирует ее. Более того, «семиотическая среда» работает как «информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [30. С. 132, 147].

Близкое понимание деятельности (а следовательно, и деятельности речевой) мы находим у Г.П. Щедровицкого, который также сравнивает ее с «поток, который передается от одного поколения к другому. Поколения рождаются и умирают, а деятельность протекает через них, и она во многом независима от своего материального биологического субстрата. И уже непонятно, человек определяет деятельность, или деятельность “штампует” определенным образом человека» [31. С. 256].

Тем не менее, находясь внутри речевого потока и ощущая его стихийную природу, носители синтетического русского языка и коллективистских принципов бытия обладают значительно большим ментальным (смысловым) пространством, побуждающим к поиску решения, и большей свободой самовыражения. В этом, как представляется, заключены дополнительные ресурсы, которые активизируют мыслительную деятельность русской языковой личности.

Потенциал русского языка отмечал и М.В. Ломоносов. Владея 11 иностранными языками, он в предисловии к «Русской грамматике» писал: «Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море» [32. С. 392].

В этой связи немаловажным представляется и то обстоятельство, что принадлежность русского языка к синтетическим языкам, – и среди них к древнегреческому, латыни и церковнославянскому, – открывала доступ к классической науке и научной деятельности. Здесь мы имеем в виду античную холистическую методологию, в основу которой был положен, во-первых, триадный метод Платона, раскрывающий целостность человеческой природы

<ratio–emotio–intuitio>. А во-вторых, процессуальную триаду Аристотеля <dynamis–energeia–entelecheia>, согласно которой речевая интенция (dynamis) и собственно речевая деятельность (energeia) соотносятся с представлением об искомом совершенстве (entelecheia) (см. об этом [33. С. 29–34, 270–275].)

Вместе с тем параллельно существовала редукционистская методология, которая опиралась только на разум и использовала рациональный метод, ставший базовым в западноевропейской науке о языке. Правомерность подхода, расщепляющего изучаемый объект на составляющие его части, получила подтверждение в «Механике» Ньютона и картезианском учении, также исходившем из противопоставления мыслящей и природной сущности человека.

Что касается отечественной филологической традиции, то она развивалась в русле холистического подхода, используя синтетическую модель изучения исследуемого объекта. При этом русские ученые видели в языке не предмет, а средство – «средство воссоздания духовной жизни». Неудивительно, что им пришлось пересмотреть труды иностранных профессоров и «трансформировать аналитические разработки немецких коллег в чисто славянские синтетические построения» [34. С. 127]. Таким образом, русская филология и сложившиеся в ней научно-исследовательские подходы, школы и традиции изначально вбирали в себя самобытные черты русской языковой личности со свойственными ей ментальными особенностями.

Стремительное развитие средств массовой коммуникации и всеобщий глобализационный процесс привели к универсализации научной деятельности. Тем не менее неизбежно возникают следующие вопросы: ***можно ли в настоящее время говорить о национальной специфике научно-исследовательского дискурса? Какие особенности русской ментальности проявляются в деятельности российских ученых?***

Чтобы ответить на эти вопросы, воспользуемся результатами интегрального контрастивного изучения английских, немецких и русских текстов рецензии как одного из наиболее показательных научных жанров с целью выделения в них универсальных и культурно-специфических характеристик [35].

Прежде всего, кратко представим единые требования к научной рецензии, которая должна включать такие составляющие, как: 1) вводная часть (заголовок, библиографическое описание, введение); 2) основная часть (краткое содержание глав / разделов и их анализ; цель исследования; оценочный блок); 3) заключительная часть (выводы; практическая и теоретическая значимость; рекомендации читателям); 4) библиографический список; 5) справка или информация о рецензенте (Ф.И.О., должность, контактная информация).

Согласно полученным результатам, наибольший уровень соответствия требованиям к структуре был отмечен в научных рецензиях на немецком языке (92%), средний – на английском (88%) и низший – на русском (68%) [35. С. 12]. Так, несмотря на четкие рекомендации для авторов научных рецензий, носители русского языка проявляют значительно большую свободу в выборе и распределении материала, что соответствует потребности в самовыражении, унаследованной с русским речевым поведением.

В рецензиях на английском и немецком языках справка о рецензенте обязательна. Однако, в отличие от немецких и английских авторов, русские рецензенты нередко (32 %) игнорируют сообщение подобной информации. По-видимому, в этой культурно-специфической черте проявляется ценностное отношение к личной свободе и автономности. Вместе с тем отмечается некоторое смещение полюса общественного пространства в сторону индивидуального (в частности, принятие закона об охране авторских прав), что свидетельствует о проникновении индивидуалистической западной культуры в русскоязычную.

Принадлежность к разным культурным традициям и научно-исследовательским школам проявляется также в избираемых рецензентом способах аргументации. Так, для аналитической методологии характерны фактуальность, абстрактность, детализация и отстраненность, а для холистической – интуитивность, конкретность, целостность и вовлеченность.

Как известно, русская культура является высококонтекстуальной, поскольку для нее типичны межличностные отношения, основанные на традициях и исторически сложившихся правилах речевого взаимодействия. Поэтому в рецензии заметны проявления эмоционального отношения рецензента к автору и излагаемой им точке зрения. Более того, в оценке рецензируемого текста определенную функцию выполняет экспрессивная лексика, органичная для русской речевой культуры. Неудивительно, что в русскоязычных рецензиях большее место занимает отношение к автору рассматриваемой работы, его заслугам и профессионализму.

Подобные знаки внимания и расположения не характерны для английских и немецких рецензентов, принадлежащих к низкоконтекстуальным культурам, где не принято использовать эмоционально окрашенную лексику в научном стиле речи. Вместе с тем и в русскоязычных, и в немецкоязычных рецензиях присутствует так называемая «научная скромность», когда авторы, следуя нормам научного этикета, избегают резких суждений и оценок рассматриваемой работы. Этим они существенно отличаются от англоязычных рецензентов, которые стремятся подчеркнуть свою значимость.

Что касается объема рецензий, то в нем также проявляется определенная культурная специфика. Так, средняя длина рецензий на английском языке составляет 3–4 страницы, на русском – 4–5 страниц и на немецком – 2–3 страницы. А к числу отличительных особенностей последних относятся краткость, чёткость и сжатость анализируемого материала.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в английских научных рецензиях используется местоимение «I (я)», а в немецких – «Ich (я)». В отличие от индивидуалистических культур в русском научном дискурсе высоко оценивается авторское «мы». Тем не менее под влиянием западной культуры в русских рецензиях одного автора все чаще стало появляться местоимение «я» [35. С. 14].

Завершая краткое рассмотрение научного стиля речи, согласимся, что «репрезентативность нашего сознания и ментальные операции дают возможность <...> видеть его логику, распознавать и узнавать привычные нам

содержания» [36. С. 86]. Таким образом, при всех изменениях, вызванных глобализацией, в современном научно-исследовательском дискурсе сохраняются его самобытные черты. Поэтому рецензии и, шире, научно-исследовательская деятельность несут на себе печать стоящей за ними языковой личности со свойственными ей ментальными особенностями.

Подведем итоги.

Предпринятое обращение к индоевропейскому языку как истоку становления общеславянской, а позднее и русской языковой личности возвращает нас к мысли о «генной памяти» (В.В. Колесов), которая переходит от одного поколения к другому. При таком понимании так ли молод наш родной язык, если его «глубина памяти» достигает общеиндоевропейского периода?

Действительно, в отличие от носителей аналитических индоевропейских языков, русская языковая личность унаследовала не только ряд индоевропейских слов-первосмыслов (термины родства, названия животных, числительные и др.), но и коллективистский тип культуры.

А наш язык сохранил такие культурно-специфические особенности, как синтетический строй языка, развитая система словоизменения и словообразования, семантико-грамматическая категория безличности и нефиксированный порядок слов в предложении. Но целостность язык и созданная на его фундаменте культура обрели с принятием Православия, которое и поныне выполняет функцию духовного стержня русской языковой личности.

Таковы, как представляется, истоки самобытной ментальной пространственности, которая побуждает к достижению в общении искомого уровня взаимодействия, взаимопонимания и взаимоотношений [33. С. 33–34], а в совместной исследовательской деятельности – к коллективному поиску решения сложных проблем.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / под ред. А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985. 450 с.
2. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 619 с.
3. Вендина Т.И. Введение в языкознание: учебник для академического бакалавриата. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2015. 333 с.
4. Постовалова В.И. Религиозные концепты в православном мировоззрении (опыт теолингвистического анализа) // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 127–148.
5. Синячкин В.П. Общечеловеческие ценности в русской культуре: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 44 с.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
7. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
8. Маковский М.М. Лингвистическая генетика: проблемы этногенеза слова. М.: Изд-во ЛКИ, 2019. 206 с.
9. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1 / сост., ред. и вступит. статьи В. А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1960. С. 264–389.
10. Гамкрелидзе Т.В. Р. Якобсон и проблемы изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 5–9.

11. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М.: Наука, 1965. 246 с.
12. *Зинченко В.П.* Сознание и творческий акт. М.: Языки славянской культуры, 2010. 592 с.
13. *Моисеев Н.Н.* Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 52–66.
14. *Петухов С.В.* Матричная генетика, алгебры генетического кода, помехоустойчивость. М.: РХД, 2008. 316 с.
15. *Куликова И.С., Салмина Д.В.* Введение в языкознание: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 367 с.
16. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию / под ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Издат. группа «Прогресс», «Культура», 1992. 416 с.
17. *Бахтин М.М.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1997. 731 с.
18. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–161.
19. *Кодухов В. И.* Введение в языкознание: учебник для студентов пед. вузов. М.: Просвещение, 1979. 351 с.
20. *Даниленко В.П.* Синтетическая морфологизация в китайском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Языкознание и литературоведение. 2013. С. 117–121.
21. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс: Изд. группа «Универс», 1993. 656 с.
22. *Пименова М.В.* Исследование ментальности русского народа / Колесов В.В., Пименова М.В. Языковые основы русской ментальности. 5-е изд. М.: Изд-во «ФЛИНТА», Изд-во «Наука», 2017. С. 73–130.
23. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 1982. 480 с.
24. *Савельева Л.В.* Лингвоэкология: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., пер. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 206 с.
25. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1968. Т. 3. 551 с.
26. *Величко А.В.* Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-семантическое и функционально-коммуникативное исследование. М.: МАКС Пресс, 2016. 416 с.
27. *Тарланов З.К.* Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1999. 208 с.
28. *А.С. Пушкин о Москве.* М.: Фонд И.Д. Сытина, 1997. 239 с.
29. *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
30. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Таллинн: Александра, 1992. 480 с.
31. *Щедровицкий Г.П.* Философия. Наука. Методология. М.: Шк. Культ. Политики, 1997. 656 с.
32. *Ломоносов М.В.* Российская грамматика // Полное собрание сочинений. Т. 7. М.–Л.: Наука, 1952. С. 389–578.
33. *Владимирова Т.Е.* Русский дискурс в межкультурной коммуникации: экзистенциально-онтологический подход. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2018. 320 с.
34. *Колесов В.В.* История русского языкознания. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. 472 с.
35. *Кравцова Е.В.* Научный дискурс: универсальное и культурно-специфическое (на материале жанра научной рецензии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2016. 21 с.

36. Оди́нцова И.В. Когнитивная лингводидактика в ряду других когнитивных наук // Мир русского слова. 2017. № 4. С. 80–86.

ABOUT RUSSIAN MENTALITY IN LANGUAGE, SPEECH AND SCIENTIFIC DISCOURSE

T.E. Vladimirova

*Institute of Russian Language and Culture, Lomonosov Moscow State University
24/35 Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation
Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University
10/2 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation*

Abstract. This article is devoted to the disclosure of the mental characteristics of the Russian language personality. Particular attention is paid to the synthetic structure of the language, the non-fixed order of words in the sentence and the category of impersonality, which together create a culturally specific mental context of language, speech and scientific discourse.

Keywords: mentality, Russian linguistic personality, picture of the world, scientific discourse, category of impersonality, Indo-European.